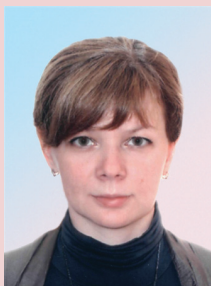

Трансформация диспозиции гендерной власти в современных семьях как фактор институциональных изменений

**Елена Валерьевна
БАЗУЕВА**

кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВПО Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: bazueva.l@mail.ru)

Аннотация. В статье синтез инструментария институциональной теории и синергетики применен к анализу необходимости оптимизации действующей в современной экономике России системы институтов гендерной власти. Известно, что результативность функционирования проектируемых институтов определяется потребностью в таких изменениях у экономических агентов.

В этой связи внимание автора сосредоточено на изучении процессов трансформации традиционного типа диспозиции гендерной власти в российских семьях. Установлено, что для них характерно движение к более равномерному распределению функций по организации домашнего хозяйства. В результате в настоящее время в семьях наряду с традиционным типом гендерной власти выделены эгалитарный, когда учитываются интересы обоих супругов, наблюдается симметрия при распределении домашних обязанностей, и переходный (промежуточный) варианты гендерных взаимодействий между супругами.

Для определения эффективности воспроизводства данных типов гендерной власти в условиях современной экономики семья была рассмотрена в качестве закрытой и открытой системы. В первом случае на основе использования постулатов синергетики выделены два возможных типа гендерного взаимодействия в семье: согласованный – при условии когерентности условий диспозиций власти, определяемых институтом власти в лице ее главы и институтом внутренней власти, и несогласованный. С этих позиций традиционный и эгалитарный типы отнесены к согласованным. В переходном типе возможны оба варианта взаимодействий.

Определено количество семей, в которых реализуется каждый тип гендерного взаимодействия между супругами. Установлено, что в российских семьях усиливается процесс рассогласования диспозиции гендерной власти. Представление семьи в качестве открытой системы с внешними факторами воздействия позволило определить, что данная тенденция обусловлена некогерент-

ностью целей функционирования институтов гендерной власти в семье и институтов гендерной власти, находящихся на более высоких уровнях иерархии: власть социального окружения, власть организации, власть государства и региона. В таких условиях все основные механизмы, необходимые для институционализации норм поведения – устойчивости, координации, сопряжения, обучения и инерции, не соблюдаются, что подтверждает необходимость и готовность экономических агентов к модернизации системы институтов гендерной власти в экономике России.

Ключевые слова: система институтов; институциональные изменения; институты гендерной власти; гендерные отношения в семье.

Как было выявлено нами в [3, 5, 6], действующая в России система институтов гендерной власти¹ имеет очень низкое качество, не отвечает требованиям современной экономики и снижает эффективность функционирования всей социально-экономической системы. Следование установленным данной системой стандартам поведения (институциональным ролям) высокочрезмерно для экономических агентов на всех ее уровнях [2]. Все это обуславливает необходимость модернизации действующей системы институтов гендерной власти в направлении повышения степени ее эгалитарности².

На наш взгляд, для более точного определения возможных направлений оптими-

зации данной институциональной системы необходимо использовать накопленный в экономической теории инструментальный анализ институциональных изменений.

В этой связи напомним, что в настоящее время «существует значительное число различающихся в деталях структуризации процесса институционального проектирования», большинство из которых представляет собой частный случай общей логики процесса принятия решений и его принципов (см., например: [25, с. 18]).

На этом фоне выделяется подход О.С. Сухарева, который считает, что процесс институционального планирования должен быть основан на следующих принципах (критериях): установка цели; определение области приложения усилий; функциональное разнообразие; издержки действия институтов и агентов, возникающие при введении новых институтов; время функционирования института и время до его изменения, замещения, упразднения или коррекции; устойчивость к внешним изменениям и устойчивость к самопроизвольным мутациям, а также монетарное наполнение функционирования вводимого института.

Причем последний принцип – это не то же самое, что затраты на функционирование института, а скорее приращение монетарных возможностей, которые возникают или не возникают при введении данного института, или потребная величина денежного обеспечения в единицу времени, необходимая для наиболее эффективного функционирования института [24, с. 109].

¹ Согласно выбранной методологии исследования под институтом гендерной власти следует понимать особый вид социально-экономического института, который сформировался под влиянием объективных условий материального производства (общественного разделения труда) и который можно представить в виде системы относительно устойчивых властных отношений, закрепленных через систему законодательных актов, контрактов и неформальных правил, упорядочивающих формы взаимодействий субъекта и объекта власти и определяющих цели и варианты выбора модели их собственного жизнеповедения [3].

² Напомним, что система институтов гендерной власти эгалитарного типа предполагает ограниченность гендерной власти сферой свободы другого экономического агента, поэтому степень ее концентрации незначительна. Для нее характерны следующие черты: 1) равный доступ женщин и мужчин к производительным ресурсам и источникам получения дохода, включая управление государством; 2) распространение государственных льгот, связанных с уходом за детьми, на обоих родителей; 3) нивелирование действия гендерных стереотипов в экономике семьи и общества; 4) одинаковая отдача на человеческий капитал у мужчин и женщин; 5) гендерная экспертиза нормативно-правовых программно-целевых документов и управленческих решений.

Заметим, что приведенные выше критерии институционального планирования фактически соответствуют набору качественных характеристик эффективного функционирования института, иными словами, его функциональности. Не случайно автор уточняет, что применение данных принципов позволит снизить число и глубину дисфункций в экономике. Поэтому одним из начальных этапов институционального планирования должно быть «определение исходного институционального качества системы, степени ее дисфункциональности по базовым институтам (правилам), а также уточнение потребности в каких-то изменениях, институтах, включая и возможность заимствования институтов, перенесения их из иной социально-экономической среды» [24, с. 110].

Данный подход к этапам институционального проектирования был использован и в нашем исследовании. Уровень качества действующей в России системы институтов гендерной власти и издержки, связанные с ее функционированием для экономических агентов на всех ее уровнях, были изучены в ранее опубликованных наших работах [2–6], поэтому в этой статье мы подробнее остановимся на определении экономических агентов и величины их спроса на внедрение системы институтов гендерной власти эгалитарного типа. Подчеркнем, что согласно логике процесса институциональных изменений, предложенной Д. Нортон и развиваемой в настоящее время представителями институциональной экономической теории, именно степень совпадения намерений реформаторов в создании новых институтов и убеждений экономических агентов будет определять результативность функционирования проектируемого института [18, с. 80–93].

В этой связи напомним, что в современной экономике России максимальная степень концентрации гендерной власти

достигается на нижних уровнях иерархии системы институтов гендерной власти — в институте власти семьи в лице ее главы и институте внутренней власти (см. об этом подробнее [3]). Не случайно экономику семьи называют самым «гендеризированным социальным пространством» с наивысшей степенью взаимозависимости мужчин и женщин друг от друга, обусловленной их брачным статусом или кровным родством [16, с. 97].

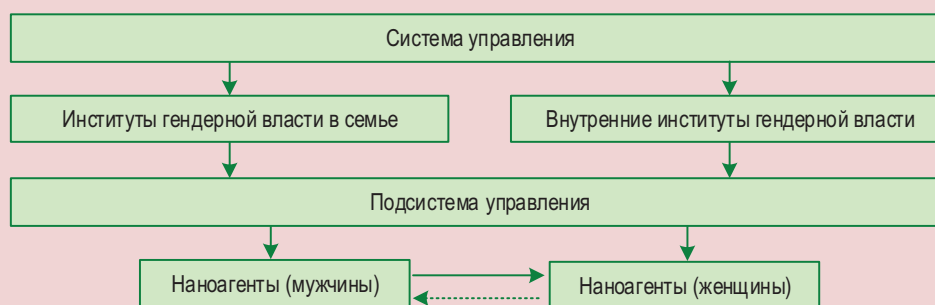
Однако, как справедливо отмечал Э. Тоффлер, новая цивилизация несет с собой не только новую экономику, новые политические конфликты, иные способы работать, любить и жить и сверх этого — измененное сознание и новые семейные отношения [26, с. 31, 34].

Так ли это на самом деле, посмотрим далее. Для этого семью и действующие в ней институты гендерной власти представим в виде закрытой системы, т.е. исключим воздействие внешних институтов гендерной власти на определение диспозиции власти внутри семьи. Схематично данный процесс взаимодействия отражен на *рисунке 1*.

Рисунок показывает, что цели жизнеповедения мужчин и женщин в семьях определяются системой управления, состоящей из института гендерной власти семьи в лице ее главы и внутренних институтов гендерной власти. Напомним, что каждый из них в соответствии с собственной диспозицией власти определяет институциональную роль, которую субъекты гендерного взаимодействия должны воплощать в жизнь в рамках действующей институциональной среды.

Содержание диспозиции гендерной власти главой семьи включает: 1) четкое разделение домашних обязанностей по признаку пола; 2) адекватность стереотипу кормильца семьи при выборе типа семьи, форм досуга и сферы профессиональной

Рисунок 1. Структура подчинения целей жизнеповедения мужчин и женщин в семье*

* Сплошной линией обозначены реальные связи властного воздействия, пунктиром – номинальные, характерные для незначительной части современных семей России.

деятельности объектом власти. Данный тип диспозиции гендерной власти в терминах ученых-гендерологов соответствует традиционному типу семьи, когда мужчина выступает в качестве субъекта гендерной власти, а женщина – ее объекта.

Следовательно, диспозиция гендерной власти предполагает следующее распределение ролей: мужчина – кормилец семьи, добытчик рыночного капитала, а женщина сосредоточивает усилия на накоплении «семейного» капитала. При этом допускается, что женщина может быть занята в общественном секторе экономики. Однако приоритетным для нее все же является ведение домашнего хозяйства. Необходимо отметить, что такое налаженное распределение домашних обязанностей с точки зрения Г. Беккера способствует стабильности брака, так как ожидаемая полезность от выполнения домашней работы у женщины больше, чем полезность от работы в рыночном производстве.

Это обусловлено, с одной стороны, более низкой заработной платой женщин на рынке труда, с другой стороны, неликвидностью работы по дому в результате отсутствия общепризнанных в обществе критериев оценки данного вида занятости. Следовательно, она представляет ценность только для конкретной семьи, что принци-

пиально отличает ее от такого типа ресурса, как деньги, который может предложить для обмена «кормилец».

Однако даже в конкретной семье цена времени, потраченного на ведение домашнего хозяйства, по сравнению с рабочим временем будет всегда ниже, т.к. данный вид занятости осуществляется в свободное от работы время (в выходные дни или по вечерам), когда «относительная значимость потерянных заработков оказывается ниже» [9, с. 171].

Тем не менее в настоящее время, как показывают многочисленные исследования, для российских семей характерен процесс трансформации данного типа диспозиции гендерной власти. Данный тренд подтверждают и результаты нашего лонгитюдного обследования семей Пермского края в период 2001–2011 годов³. Динамика распределения функций по организации домашнего хозяйства между членами семей респондентов представлена в *таблице 1*.

³ Лонгитюдное исследование «Социально-рыночная экономика семьи» было проведено по путеводителю, разработанному под руководством акад. АСО РФ И.Н. Новиковой в 2001, 2006, 2009 и 2011 гг. Ежегодно анкетированием было охвачено 300 жителей Пермского края, из них 35% – мужчины и 75% – женщины. Репрезентативность выборки обеспечивалась участием респондентов с разным уровнем образования, дохода, условий и места проживания, типа и формы семьи. Подробнее о методике данного исследования см. в [4].

Таблица 1. Динамика модернизации традиционного типа гендерной власти в семейной экономике в период 2001–2011 гг.

Виды распределения функций внутри домохозяйства	2001 г.	2006 г.	2009 г.	2011 г.
1. Существует четкое разделение труда по полу и возрасту	12,30	15,92	39,70	30,40
2. Вся семья участвует в домашних делах одинаково	41,04	46,02	31,90	48,63
3. Основная нагрузка падает на женщину – мать	41,90	34,36	26,06	15,90
4. Все хозяйственные работы выполняют в основном родители мужа или жены	0,00	2,42	0,00	3,13
5. Отец и мать предпочитают основную работу делать сами	4,76	1,38	2,34	1,94

Таблица позволяет констатировать, что для современных семей России и ее регионов характерно движение к более равномерному распределению функций по организации домашнего хозяйства, с одной стороны, за счет уменьшения доли семей, в которых данные функции выполняются только женщинами, и увеличения доли семей с четким гендерным разделением труда в семейной экономике; с другой стороны, за счет увеличения доли семей с пропорциональной нагрузкой у всех ее членов.

Волнообразное изменение представленных в таблице данных обусловлено динамикой показателей развития национальной экономики: на этапе умеренных темпов роста экономики России для семей характерно более равномерное распределение функций по организации семейной экономики, в т.ч. за счет увеличения возможностей получения данных услуг в общественном секторе. И наоборот, снижение уровня жизни домохозяйств увеличивает затраты времени работы в семейной экономике и у мужчин, и у женщин.

Далее осуществим детализированный анализ затрат времени на ведение домашнего хозяйства в семьях респондентов, который представлен в *таблице 2*. В ней ранжированы преобладающие позиции каждого члена семьи в зависимости от его вклада в выполнение домашних обязанностей. Таблица подтверждает сделанный ранее вывод о более пропорциональном распределении домашних обязанностей

в российских семьях за счет активизации участия мужчин и детей. В результате этого соотношение затрат времени у мужчин и женщин на выполнение домашних обязанностей за 10 лет сократилось почти в 2 раза – с 2,95 до 1,75.

Выделим *позитивные тренды* в перераспределении домашних обязанностей между супругами.

Первый: в 2 раза сократились гендерные диспропорции во времени, затрачиваемом на приготовление пищи и мытье посуды. Это связано, на наш взгляд, с сервисизацией экономики России и ее регионов, а именно с развитием сети заведений быстрого питания. При этом заметим, что внутри домохозяйства количество затрат времени на приготовление пищи у мужчин в период 2001–2011 гг. увеличилось на 9 минут в день, тогда как у женщин, напротив, сократилось на 9 мин. На наш взгляд, это хотя и незначительное, но все же позитивное изменение, которое постепенно может переломить традиционный гендерный стереотип «место женщины на кухне».

Второй тренд: сократилось соотношение затрат времени на покупку товаров и продуктов у мужчин и женщин. При этом у мужчин оно за 10-летний период увеличилось более быстрыми темпами, чем у женщин. Подобные изменения связаны с появлением сети супермаркетов и гипермаркетов, где супруги совместно, по западному образцу, закупают продукты на более длительный срок, например на неделю.

Таблица 2. Динамика внутрисемейного разделения труда в домохозяйствах респондентов, час. в день

Затраты времени	2001 г.				2006 г.				2009 г.				2011 г.							
	Женщины	Мужчины	Дети	Преобладающая позиция	Соотношение затрат времени, женщины / мужчины	Женщины	Мужчины	Дети	Преобладающая позиция	Соотношение затрат времени, женщины / мужчины	Женщины	Мужчины	Дети	Преобладающая позиция	Соотношение затрат времени, женщины / мужчины					
1. Покупка товаров	0,56	0,16	0,15	Жена	3,50	0,28	0,17	0,12	Жена	1,65	1,06	0,21	0,09	Жена	5,05	1,03	0,36	0,12	Жена	2,86
2. Приготовление пищи	1,25	0,14	0,13	Жена	8,92	0,54	0,19	0,17	Жена	2,84	1,27	0,22	0,08	Жена	7,14	1,14	0,23	0,10	Жена	4,96
3. Стирка, уход за одеждой	0,35	0,13	0,09	Жена	2,69	0,32	0,11	0,10	Жена	2,91	0,46	0,20	0,08	Жена	2,30	0,56	0,28	0,11	Жена	2,00
4. Уход за помещением	0,20	0,18	0,13	Жена	1,11	0,27	0,16	0,10	Жена	1,69	0,38	0,29	0,09	Жена	1,31	0,36	0,32	0,12	Жена	1,12
5. Уход за детьми	0,57	0,25	0,00	Жена	2,28	0,26	0,30	0,00	Муж	0,87	1,29	0,36	0,00	Жена	3,58	1,25	0,38	0,05	Жена	3,29
6. Другие виды труда	0,08	0,12	0,09	Муж	0,67	0,25	0,23	0,11	Жена	1,09	0,38	0,37	0,14	Жена	1,03	0,32	0,33	0,16	Муж	0,97
7. Оказание помощи родственникам	0,31	0,15	0,05	Жена	2,07	0,13	0,18	0,08	Муж	0,72	0,36	0,49	0,16	Муж	0,73	0,31	0,36	0,18	Муж	0,86
8. Всего	4,52	1,53	1,04	Жена	2,95	3,15	2,14	1,08	Жена	1,47	6,40	3,34	1,04	Жена	1,92	6,09	3,45	1,24	Жена	1,75

Третий: в современных семьях происходит постепенный «откат» от феминизации воспитания детей за счет становления института «нового отцовства». Как отмечает С.А. Орлянский, обязанности «нового отца» включают в себя уход за ребенком, заботу о нем, нравственное и интеллектуальное воспитание ребенка с момента его рождения. Однако, подчеркивает автор, он не является «домохозяином». Он работает, зарабатывает деньги, а после работы свободное время уделяет ребенку. Мужчина берет на себя часть домашних обязанностей, связанных с семейным общением, т.е. наряду с выполнением институциональной роли кормильца семьи он активно занимается воспитанием детей [20]. Так, количество времени на воспитание детей у мужчин в период 2001–2011 гг. увеличилось на 13 мин.

Тем не менее заметим, что интенсификация процесса маскулинизации воспитания детей, отмеченная нами в 2006 г., когда мужчины уделяли внимания своим детям даже на 4 мин. в день больше, чем мамы, замедлилась под воздействием мер государственной и региональной политики в области стимулирования рождаемости. Так, например, в результате внедрения регионального проекта «Предоставление пособий семьям, имеющим детей в возрасте от 1,5 до 5 лет, не посещающих муниципальные дошкольные образовательные учреждения» более 60% мам детей в возрасте до 5 лет не выходят на рынок труда после окончания отпуска по уходу за ребенком.

Четвертый тренд: данные осуществленных нами исследований опровергают оценки многих ученых, указывающих, что именно женщины в большей степени, чем мужчины, оказывают помощь родственникам. Так, начиная с 2006 г. именно мужчины, хотя и не значительно, «лидируют» по затратам времени на этот вид домашнего труда.

Пятый: в период 2001–2011 гг. незначительно сократилось соотношение временных затрат на стирку, шитье, уход за бельем, одеждой, обувью (с 2,69 до 2,00). При этом затраты времени на этот вид домашнего труда увеличились за 10 лет и у мужчин, и у женщин (на 16 и 21 минут соответственно). На наш взгляд, сдерживают снижение данного вида временных затрат слабое развитие сферы бытового обслуживания в регионах России и дороговизна стоимости уже существующих видов бытовых услуг.

Шестой: повышение уровня механизации семейной экономики сопровождается большим участием мужчин в уходе за помещением, мебелью и бытовыми приборами. Так, в 2011 г. мужчины и женщины затрачивали на этот вид домашней работы почти одинаковое количество времени (соотношение затрат времени составило 1,12).

В результате обозначенных выше положительных трендов в перераспределении домашних обязанностей между супругами ученые-гендерологи выделяют наряду с традиционным типом гендерных взаимодействий переходный и эгалитарный. В семьях с эгалитарной внутренней структурой наблюдается справедливое, пропорциональное, распределение семейных обязанностей, взаимозаменяемость супругов в решении бытовых проблем. При эгалитарных установках не существует гендерно-дифференцированных сфер ответственности, решения в семье принимаются демократично всеми ее членами.

Данный тип гендерного взаимодействия возможен только в условиях, приближенных к условиям конкурентного порядка, когда степень концентрации гендерной власти незначительна, т.к. она ограничена сферой свободы другого экономического агента. В этом случае субъектом гендерной власти становится рынок, а мужчины и женщины – рационально действующими индивидами на брачном рынке.

В аспекте методологии институциональной экономической теории это означает наличие эффективного брачного рынка, который присваивает всем участникам вмененные доходы или «цены», служащие стимулами для вступления в подходящие браки. «Вмененные цены» используются также при выборе «качества» будущего партнера.

Г. Беккер отмечает, что «мужчины и женщины более высокого качества вступают в брак с себе подобными, а не подбирают партнеров более низкого качества тогда, когда эти качества являются взаимодополняющими. Выбор по сходству оптимален, когда признаки являются взаимодополняющими, а выбор по различию — когда они являются взаимозаменяющими, т.к. партнеры высокого качества в первом случае усиливают, а во втором — дублируют характеристики друг друга».

Г. Беккер поясняет далее: «...Когда признаки являются взаимодополняющими, выигрыш от женитьбы на женщине данного качества больше для высококачественного мужчины, а когда они являются взаимозаменяющими — для низкокачественного» [9, с. 390]. Мы используем данную концепцию для изучения соотношения эгалитарных и традиционных типов гендерной власти в семье у женщин и мужчин.

В соответствии с гендерной методологией исследования мужчин и женщин, предпочитающих традиционную диспозицию гендерной власти, можно обозначить как низкокачественных. В свою очередь, мужчин и женщин, предпочитающих эгалитарный тип гендерного взаимодействия, — как высококачественных.

Согласимся с Г. Беккером в том, что критерием оптимальной сортировки экономических агентов на брачном рынке является набор равновесных доходов. В данном случае отсутствуют возможно-

сти формирования издержек, связанных с наличием элементов власти в транзакциях между ними (издержки подчинения и издержки отказа; см. об этом подробнее в [3]). Это становится возможным благодаря сокращению (или невозможности формирования) издержек подчинения и издержек отказа в результате нивелирования действия внутренних институтов гендерной власти у мужчин и у женщин, следствием функционирования которых является «занижение своей цены» на брачном рынке у женщин и, напротив, «завышение своей цены» у мужчин, когда женщины изначально выбирают мужчин более низкого качества (с традиционным типом диспозиции гендерной власти).

Не случайно Г. Беккер подчеркивал, что «некоторые участники выбирают себе партнеров худшего «качества», поскольку полагают, что партнеры «лучшего качества» слишком дороги» [9, с. 381], иными словами, им недоступны.

Определим далее количество женщин, у которых есть возможность осуществления оптимальной сортировки экономических агентов на брачном рынке по критерию равновесных доходов, а значит, формирования диспозиции гендерной власти эгалитарного типа. Начнем с того, что основным источником дохода и мужчин, и женщин в современной России является заработная плата, которая сегментирована по признаку пола.

Следовательно, необходимо определить экономических агентов, для которых независимая деятельность стала более эффективной. К ним, на наш взгляд, можно отнести долю женщин, занимающих руководящие должности с высоким уровнем заработной платы. Так, например, по данным мониторинга рынка труда топ-менеджеров в России (2000–2007 гг.), осуществленного Лабораторией исследований рынка труда ГУ ВШЭ, доля женщин

в назначениях на высшие руководящие должности стабильно росла — в российских компаниях данный показатель увеличился с 5,2% в 2000 г. до 20,1% в 2007 г., в иностранных компаниях — с 14 до 23,2% соответственно [20, с. 53].

К категории женщин, которые могут осуществлять независимую от мужа деятельность, на наш взгляд, можно отнести также женщин-работодателей. По данным обследования населения по проблемам занятости, их доля среди занятых женщин на российском рынке труда в период 2010–2012 гг. составляет около 1%. Кроме того, современные семьи со средним и высоким уровнем дохода коммерциализируют повседневность (заботу)⁴ за счет использования наемного труда (няни, домработницы). Так, например, по исследованиям О.Б. Савинской, в 2010 г. 16,1% респондентов прибегали к услугам нянь [15, с. 84].

Представляется, что тенденция к эгалитаризации гендерных взаимодействий между супругами будет только усиливаться, т.к. в настоящее время, по данным многочисленных исследований, доля граждан (особенно молодых) с установками на индивидуализм, ориентацией на прагматический идеал самодостаточной, успешной личности, способной самостоятельно добиться материального благополучия и социального статуса, увеличивается. Например, по данным Фонда «Общественное мнение», таких людей в России 18%⁵.

Напомним, что данные идеалы соответствуют характеристикам У-матрицы, основанной на высоком уровне автономии

защиты экономических агентов, т.е. приоритете Я над Мы, когда существует примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня. В таких условиях субъекты разобщены и могут функционировать самостоятельно, обособленно друг от друга [13]. Данная автономизация предполагает высокий уровень развития гражданского общества, который, по мнению многих ученых-гендерологов, является предпосылкой становления гендерно-паритетных отношений в национальной экономике.

Что касается третьего типа диспозиции гендерной власти, характерного для современных российских семей, — «переходного», то он, на наш взгляд, представляет промежуточный вариант гендерных взаимодействий между супругами, когда уменьшается действие института внутренней власти за счет снижения действия стереотипов положения и изменения гендерного статуса экономических агентов.

Для данного типа диспозиции гендерной власти характерно: 1) снижение степени концентрации гендерной власти мужчин в семейной экономике в результате большей их вовлеченности в домашнее хозяйство; 2) повышение роли женщин в принятии важных для семьи решений (матриархатная модель семьи).

Как мы считаем, в первом случае объектно-субъектный тип гендерного взаимодействия будет определяться в каждой семье индивидуально (биархатный тип диспозиции гендерной власти). В этой связи, например, В.А. Рамих отмечает, что «идеалы мужественности и женственности сегодня, как никогда, противоречивы: традиционные черты в них переплетаются с современными, они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций. Общая тенденция развития в этой области заключается в ослаблении былой поляризации половых

⁴ Термин Е. Здравомысловой. См. об этом подробнее в [12].

⁵ Заметим, что именно этих респондентов специалисты Фонда назвали «людьми XXI века». Данная группа социальных активистов существенно отличается от остального населения России. Они проектируют свое будущее и проявляют способность к осознанному накоплению и мобилизации социальных и материальных ресурсов, демонстрируют самостоятельность и социальную устойчивость (см. об этом подробнее в [17]).

Таблица 3. Динамика приоритетов в формировании доходов в семьях, в %

Чьи доходы в семейном бюджете являются преобладающими?	2001 г.	2006 г.	2009 г.	2011 г.
1. Мужа	29,7	44,6	39,8	43,6
2. Жены	34,2	26,9	27,2	31,6
3. Детей	13,9	8,9	10,2	4,5
4. Родителей-пенсионеров	9,2	3,1	5,5	2,9
5. Поддержка родственников	8,6	2,2	2,4	1,51
6. Равнозначные	4,4	14,3	14,9	15,89

ролей и связанных с ними социокультурных стереотипов. В этих условиях социальные роли мужчины и женщины перестают казаться полярными, взаимоисключающими, открывается возможность разнообразных индивидуальных сочетаний» (цит. по [20]).

В матриархатном типе гендерной власти институциональные роли экономических агентов перераспределены, женщины в таких семьях выступают в качестве субъекта гендерной власти, а мужчины — ее объекта. В данном случае женщина становится основным добытчиком рыночного капитала, а накоплением специфического «семейного» капитала занимается в основном мужчина. Максимизация полезности достигается в том случае, когда у мужчины уровень заработной платы значительно ниже, чем у женщины⁶. По результатам нашего исследования таких семей в Пермском крае около 30% (табл. 3).

В матриархатном типе семьи распространена ситуация, когда в отпуски по уходу за ребенком уходят мужчины. По данным службы исследований компании «HeadHunter», доля таких семей в настоящее время в России составляет около 7% [8].

⁶ Кроме того, согласно институциональной экономической теории основанием специализации в накоплении рыночного или семейного капитала служат различия в уровне образования партнеров, который является определяющим фактором в формировании величины заработной платы. Однако в условиях современной России такое положение, как показывают статистические данные, пока не соблюдается.

Далее, для определения величины спроса на институты гендерной власти эгалитарного типа у экономических агентов используем один из основных постулатов синергетики, который предполагает, что в высокоэффективной синергетической системе должно быть неперенное взаимодействие, т.е. когерентность поведения между ее отдельными компонентами [10, с. 387].

С этих позиций возможны два основных типа взаимодействий: 1) согласованный — при условии когерентности условий диспозиций власти, определяемых институтом власти в лице ее главы и институтом внутренней власти; 2) несогласованный — напротив, предполагающий их несоответствие. Представляется, что традиционный и эгалитарный типы гендерной власти в семье с этих позиций являются согласованными, в переходном типе возможны оба варианта взаимодействий.

При традиционном типе гендерного взаимодействия и женщины, и мужчины должны быть удовлетворены гендерно-дифференцированным разделением труда в семейной экономике. Как показывают результаты исследований, традиционную модель семьи предпочитают 26% респондентов, из них 15% девушек и 85% юношей [21]. При этом если эти данные обработать с использованием коэффициентов позиционного согласия, то консонансные позиции (согласованные модели гендер-

ного поведения) будут характерны только для 3% ответов респондентов. В связи с вышеизложенным и учитывая результаты других исследований, можно отметить, что традиционный тип гендерной власти устанавливается не более чем в 20–25% современных российских семей.

Модель эгалитарных отношений является гендерно-сбалансированной (согласованной), так как учитываются интересы обоих супругов, наблюдается симметрия при распределении домашних обязанностей. При этом выбор каждого члена семьи относительно того, на что тратить свое время (на работу в рыночном секторе или в домашнем хозяйстве), зависит от соотношения заработков на рынке труда, альтернативных издержек на производство благ в домашнем хозяйстве и эгалитарных установок поведения супругов. По нашим оценкам, доля таких семей в современной России составляет около 15%.

«Переходный» тип согласованных отношений наблюдается в семьях, где обоих супругов устраивает снижение степени концентрации гендерной власти мужчин в семейной экономике в результате большей их вовлеченности в домашнее хозяйство либо повышения роли женщин в принятии важных для семьи решений (матриархатная модель семьи).

Рассогласованность в переходном типе диспозиции гендерной власти может проявляться в случае, когда хотя бы один из супругов не удовлетворен участием в накоплении специфического рыночного или «семейного» капитала, т.е. внутренние установки наноагентов не совпадают с диспозицией гендерной власти, навязываемой им главой семьи. Согласно результатам многих исследований именно данный тип гендерных взаимодействий, к сожалению, характерен для большинства современных российских семей. По-видимому, отмечает М.Ю. Арутюнян, в противоречивом соче-

тании патриархальных (у мужчин) и эгалитарных (у женщин) гендерных соглашений как раз и заключается «гендерное несчастье» российских семей [1]. В результате особенно у молодых супругов отмечается низкая степень удовлетворенности браком и, как следствие, высокие значения коэффициента разводимости, по которым Россия занимает первое место в мире. Причем процесс рассогласования диспозиции гендерной власти в российских семьях только усиливается.

Так, например, контент-анализ 32 проективных сочинений «Моя будущая семья», осуществленный С.В. Заевым в 2005 г., показал, что почти для 40% респонденток более предпочтительными являются эгалитарные гендерные контракты в семье, где базой отношений выступают не материальный достаток и четкое разделение властных ресурсов, а высокий уровень психологической совместимости. В отличие от них, большинство юношей (75%) характеризуется традиционными представлениями об экономике семьи: ставя себя на место главы и кормильца, они взамен рассчитывают получить эмоционально-психологическую и сексуальную поддержку [11, с. 28–29].

Данные, полученные в ходе исследования Т.Г. Поспеловой и обработанные с использованием программы Кобра-КД⁷, свидетельствуют о том, что в 2008 г. уже 87% девушек стали предпочитать эгалитарный тип гендерного взаимодействия [21, с. 48].

Тем не менее для большинства женщин и мужчин, предпочитающих эгалитарный тип гендерной власти в семейной экономике, характерна рассогласованность в общей системе институциональных ролей, обусловленная некогерентностью диспозиции власти на каждом уровне иерархии системы институтов гендерной власти (см. об этом подробнее: [3, 5]).

⁷ Программа «Кобра-КД» разработана НИИКСИ СПбГУ специально для проведения более детального гендерного анализа социологической информации.

Например, как показывают итоги наших исследований гендерных характеристик личности⁸, осуществляемых начиная с 2011/2012 уч. г. ежегодно в качестве входного контроля знаний при изучении курса «Гендерология и феминология», большинство девушек и юношей, с одной стороны, считают, что стремление сделать карьеру, высокий профессионализм, успехи в бизнесе, лидерство в любой сфере должны быть характерны и для женщин, и для мужчин.

Кроме того, респонденты подчеркивают, что «традиция активного выдвижения мужчин на руководящие должности устарела и их должны занимать в равной степени и мужчины, и женщины», отрицая, что «женщина – прежде всего мать, важнейшее ее предназначение – рождение и воспитание детей. Эта роль – главнее всех других ее ролей».

С другой стороны, респонденты констатируют следующее: «Биологическая принадлежность к тому или иному полу доказывает, что возможности мужчины и женщины в различных сферах жизни неодинаковы, а следовательно, некоторые ограничения по признаку пола все-таки необходимы»; «Правильно считается, что существуют такие мужские сферы, в которых участие женщин должно быть ограничено (например, в политике, дипломатии и др.), и, как следствие, для женщины «самое главное – семья». Причем, судя по ответам, позиции девушек более противоречивы, чем юношей.

В результате ученые-психологи приходят к заключению, что для современных мужчин и женщин в России характерны кризисы гендерной идентичности личности: кризис достижения согласованности гендерной идентичности, кризис само-

актуализации гендерной идентичности, кризис внешнего подтверждения гендерной идентичности⁹, которые, по данным исследований С.Б. Кохановой, выявляются у 76% девушек и только у 30% юношей [14, с. 108].

Кроме того, возможен рассогласованный тип гендерного взаимодействия в матриархатных семьях. Например, когда в семье, где добытчиком основного капитала является женщина, предполагается, что мужчина, в меньшей степени занятый на рынке труда или не занятый вообще, должен выполнять определенные обязанности по ведению домашнего хозяйства в обмен на экономическую поддержку со стороны женщины. Однако в действительности, как показывают исследования, зависимые мужья выполняют тем меньше домашних дел, чем в большей степени они экономически зависимы от своих жен [7]. Эта закономерность в наибольшей степени проявляется в семьях с низким уровнем доходов. Соответственно, наблюдается явная рассогласованность в данном типе внутрисемейных отношений.

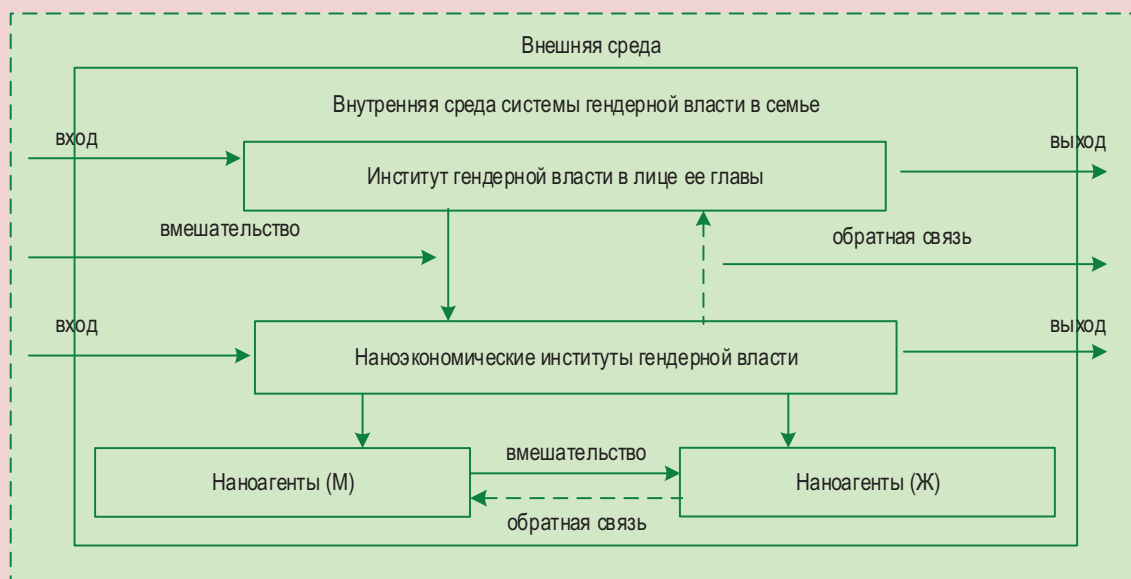
На наш взгляд, обозначенные выше переходные типы гендерных взаимодействий соответствуют текущим условиям и достигнутым результатам в развитии институтов гендерной власти либерального типа, для которых, как отмечалось нами в [3], характерна разветвленная сеть субъектов гендерной власти: мужчины, социальное окружение, организации и государство.

В данном случае семья уже выступает в качестве открытой системы с внешними факторами воздействия (*рис. 2*). Напомним, что именно благодаря интенсивному (потокному) обмену между веществом, энергией

⁸ В данном исследовании, проведенном с использованием опросника И.С. Клециной, приняли участие более 150 студентов юридического, экономического и философско-социологического факультетов ПГНИУ.

⁹ Гендерная идентичность – это представление (когнитивный компонент), отношение (аффективный компонент) и реализация в поведении (конативный компонент) личностью своего гендера в гендерном пространстве личностной бытийности: пространстве среды, деятельности, организма. См. об этом подробнее: [19, с. 151].

Рисунок 2. Институты гендерной власти в семье как многоуровневая синергетическая система

и информацией с окружающей средой в неравновесных условиях [10, с. 387] система институтов гендерной власти, согласно второму постулату синергетики, может стать высокоэффективной синергетической системой.

Получается, что тенденция к рассогласованности взаимодействия супругов внутри семьи обусловлена некогерентностью целей функционирования институтов гендерной власти в семье и институтов гендерной власти, находящихся на более высоких уровнях иерархии: власть социального окружения, власть организации, власть государства и региона (см. об этом подробнее: [3, 5]).

В таких условиях достичь равновесия значительно сложнее, т.к. нормы поведения дестабилизированы, следовательно, обладают низкой степенью устойчивости, отсутствует последовательность в их исполнении, увеличиваются транзакционные издержки, связанные с их применением, присутствует сложность сопряжения с другими правилами поведения; появляются

агенты, желающие изменить стереотипы гендерного поведения. Таким образом, все основные механизмы, необходимые для институционализации норм поведения, выделенные В.М. Полтеровичем — устойчивости, координации, сопряжения, обучения и инерции [22, с. 73-76], не соблюдаются.

Кроме того, с точки зрения воздействия на систему институтов гендерной власти социально-экономической системы в целом, как было установлено нами в [6], наиболее оптимальным для современного этапа развития общества является нивелирование концентрации гендерной власти в экономике семьи, что соответствует эгалитарному типу согласованного взаимодействия между супругами. Установление данного типа равновесия возможно только в адекватных институциональных условиях, что подтверждает необходимость и готовность экономических агентов к модернизации системы институтов гендерной власти в экономике России.

Литература

1. Арутюнян, М.Ю. Гендерные отношения в семье / М.Ю. Арутюнян // Валдай–96: материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. – М.: МЦГИ, 1997. – С. 132-133.
2. Базуева, Е.В. Человеческий капитал Пермского края: гендерные особенности реализации / Е.В. Базуева // Экономика региона. – 2010. – №2. – С. 46-59.
3. Базуева, Е.В. Институциональный анализ системы гендерной власти в современной России / Е.В. Базуева // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – №19. – С. 9-20.
4. Базуева, Е.В. Гендерные особенности формирования бюджетов домохозяйств в Пермском крае (по результатам лонгитюдного исследования «Социально-рыночная экономика семьи») / Е.В. Базуева // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – №33. – С. 39-49.
5. Базуева, Е.В. Институциональная среда современной России: гендерный критерий эффективности / Е.В. Базуева // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2011. – №2. – С. 48-60.
6. Базуева, Е.В. Эконометрический анализ взаимосвязи показателей национальной экономики и гендерного неравенства / Е.В. Базуева // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2013. – №2. – С. 71-84.
7. Балабанова, Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2005. – №6. – С. 109-120.
8. Батенева, Т. Папа может... / Т. Батенева // Российская газета «Бизнес». – 2012. – №850. – 5 июня.
9. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход / пер. с англ.; Г. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
10. Заковоротная, М.В. О философских проблемах управления социальными системами: состояние вопроса и перспективы / М.В. Заковоротная // Синергетика и проблемы теории управления / под ред. А.А. Колесникова. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – С. 465-482.
11. Заев, С.В. Элементы контракта отношений в семейных представлениях молодежи / С.В. Заев // Личность как субъект экономического бытия: гендерный аспект. Гендерный анализ экономических отношений в семье, профессиональной деятельности, политике, сфере развлечений: матер. V Всерос. науч.-практ. семинара. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. – С. 24-29.
12. Няни: коммерциализация заботы // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 94-137.
13. Кирдина, С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ / С.Г. Кирдина; Институт экономики. – М.: Наука, 2004. – 256 с.
14. Коханова, С.Б. Эмпирическое описание смысловых механизмов гендерной идентичности личности студенческой молодежи г. Армавира / С.Б. Коханова // Актуальные проблемы современной гендерологии. – Вып. 4: материалы 54 ежегодной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (16 апреля 2009 г.). – Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 101-109.
15. Мониторинг рынка труда топ-менеджеров в России (2000–2007 гг.) / Г.А. Лукьянов, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин, Н.С. Успенский: препринт WP 15/2009/02 серия WP 15 Научные труды лаборатории исследований рынка труда. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2009. – 73 с.
16. Малышева, М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе / М.М. Малышева. – М.: Academia, 2001. – 352 с.
17. Модернизация семьи: установки людей-XXI [Электронный ресурс] // Демоскоп-Weekly. – 2011. – № 475-476. – 29 августа–11 сентября. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0475/opros01.php> (дата обращения: 26.09.2012 г.).
18. Норт, Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт; пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
19. Ожигова, Л.Н. Психология гендерной идентичности личности / Л.Н. Ожигова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 290 с.
20. Орлянский, С.А. Трансформация социальных ролей мужчин (по материалам социологического исследования: сравнительный анализ) / С.А. Орлянский // Актуальные проблемы современной гендерологии. – Вып. 3: материалы 53 ежегодной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (16 апреля 2008 г.). – Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – С. 32-41.

21. Поспелова, Т.Г. О методах гендерного анализа социологической информации) / Т.Г. Поспелова // Актуальные проблемы современной гендерологии. – Вып. 4: материалы 54 ежегодной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (16 апреля 2009 г.). – Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 47-49.
22. Полтерович, В.М. Элементы теории реформ / В.М. Полтерович. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. – 447 с.
23. Савинская, О.Б. Ценность занятости и предпочтения в условиях труда матерей дошкольников / О.Б. Савинская // Женщина в российском обществе. – 2011.
24. Сухарев, О.С. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход) / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2011. – 432 с.
25. Тамбовцев, В.Л. Теории институциональных изменений: учеб. пособие / В.Л. Тамбовцев. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 154 с.
26. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.

Bazueva E.V.

Transformation of gender power disposition in modern families as a driving force of institutional changes

Elena Valer'evna Bazueva – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of World Economics and Economic Theory, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Perm State National Research University” (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russia, bazueva.l@mail.ru)

Abstract. The article uses the synthesis of the institutional theory tools and synergetics for analyzing the need to optimize the existing system of gender power institutions in the modern Russian economy. It is known that the performance effectiveness of the projected institutions is determined by the fact that economic agents are in need of such changes. In this regard, the article is focused on a study of the processes of transformation of the traditional type of gender power disposition in Russian families. It has been determined that they are characterized by a more equal distribution of functions in the organization of household. Therefore, currently, along with the traditional type of gender power, we define two more types: the egalitarian type, when the interests of both spouses are considered and there is symmetry in the distribution of household responsibilities, and the transitional type (interim version of gender interactions between spouses). The family was considered as a closed and an open system for determining the efficiency of reproduction of these gender power types in the modern economy. In the first case, using the synergy postulates, we can distinguish two types of gender interaction in the family: coordinated interaction – if the conditions of power disposition, defined by the power institution represented by the head of the family and the institute of internal power, are coherent; and uncoordinated interaction. From this perspective, traditional and egalitarian types were referred to coordinated types of interaction. The transitional type admits both variants of interactions. The author determined the number of families that implement each type of gender interaction between spouses. It is found that mismatch between gender power disposition in Russian families is increasing. The representation of a family as an open system with external influence factors has made it possible to determine that this trend is caused by the incoherence of the purposes of functioning of gender power institutions in the family and gender power institutions that are at higher levels of the hierarchy: the power of social environment, the power of an organization, the power of the state and region. In such conditions, all the basic mechanisms necessary for ensuring the institutionalization of behavior standards such as stability, coordination, integration, learning and inertia are not observed, which confirms the need and willingness of economic agents to modernize the gender power institutions in Russia's economy.

Key words: system of institutions; institutional changes; gender power institutions; gender relationships in the family.

References

1. Arutyunyan M.Yu. Gendernye otnosheniya v sem'e [Gender Relations in the Family]. *Valdai–96: materialy Pervoi rossiiskoi letnei shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniyam* [Valdai–96: Proceedings of the First Russian Summer School on Studies of Women and Gender]. Moscow: MTsGI, 1997. Pp. 132–133.
2. Bazueva E.V. Chelovecheskii kapital Permskogo kraia: gendernye osobennosti realizatsii [The Human Capital of the Perm Region: Gender Peculiarities of Realization]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2010, no.2, pp. 46–59.
3. Bazueva E.V. Institucional'nyi analiz sistemy gendernoi vlasti v sovremennoi Rossii [Institutional Analysis of Gender in Contemporary Russia]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [The Economic Analysis: Theory and Practice], 2011, no.19, pp. 9–20.
4. Bazueva E.V. Gendernye osobennosti formirovaniya byudzhetrov domokhozyaistv v Permskom krae (po rezul'tatam longitudnogo issledovaniya "Sotsial'no-rynochnaya ekonomika sem'i") [Gender-Related Specifics of Formation of Household Budgets in Perm Krai (on the Findings of a Longitudinal Study "Social and Market Economy of the Family")]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2012, no.33, pp. 39–49.
5. Bazueva E.V. Institucional'naya sreda sovremennoi Rossii: gendernyi kriterii effektivnosti [Institutional Environment in Modern Russia: Gender Criterion of Efficiency]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Perm University. Series: Economics], 2011, no.2, pp. 48–60.
6. Bazueva E.V. Ekonometricheskii analiz vzaimosvyazi pokazatelei natsional'noi ekonomiki i gendernogo neravenstva [Econometric Analysis of the Relationship between National Economic Indicators and Gender Inequality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [The Moscow University Herald. Series 6: Economics], 2013, no.2, pp. 71–84.
7. Balabanova E.S. Domashnii trud kak simvol gendera i vlasti [Housework as a Symbol of Gender and Power]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2005, no.6, pp. 109–120.
8. Bateneva T. Papa mozhet... [Dad Can...]. *Rossiiskaya gazeta "Biznes"* [Russian Newspaper "Business"], 2012, no.850, June 5.
9. Becker G. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod* [The Economic Approach to Human Behavior]. Translated from English. Moscow: GU VShE, 2003. 672 p.
10. Zakovorotnaya M.V. O filosofskikh problemakh upravleniya sotsial'nymi sistemami: sostoyanie voprosa i perspektivy [On the Philosophical Issues of Management of Social Systems: Status and Prospects]. *Sinergetika i problemy teorii upravleniya* [Synergetics and the Issues of Management Theory]. Ed. by A.A. Kolesnikov. Moscow: FIZMATLIT, 2004. Pp. 465–482.
11. Zaev S.V. Elementy kontrakta otnoshenii v semeinykh predstavleniyakh molodezhi [Elements of Contract of Relations in a Family: the Views of Young People]. *Lichnost' kak sub"ekt ekonomicheskogo bytiya: gendernyi aspekt. Gendernyi analiz ekonomicheskikh otnoshenii v sem'e, professional'noi deyatel'nosti, politike, sfere razvlechenii: mater. V Vseros. nauch.-prakt. Seminara* [Personality as a Subject of Economic Life: the Gender Aspect. Gender Analysis of Economic Relations in Family, Career, Politics, Entertainment: Proceedings of the 5th All-Russia Research-to-Practice Seminar]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2005. Pp. 24–29.
12. Nyani: kommersializatsiya zaboty [Babysitting: Commercialization of Care]. *Novyi byt v sovremennoi Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti: kollektivnaya monografiya* [New Everyday Life in Contemporary Russia: Gender-Related Research into Everyday Life: Collective Monograph]. Ed. by E. Zdravomyslova, A. Rotkirkh, A. Temkina. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009. Pp. 94–137.
13. Kirdina S.G. *X- i Y-ekonomiki: Institucional'nyi analiz* [The X- and the Y-economies: Institutional Analysis]. Moscow: Nauka, 2004. 256 p.
14. Kokhanova S.B. Empiricheskoe opisaniye smyslovykh mekhanizmov gendernoi identichnosti lichnosti studentcheskoi molodezhi g. Armavira [Empirical Description of Semantic Mechanisms of Gender Identity of Personality in Students Living in the City of Armavir]. *Aktual'nye problemy sovremennoi genderologii. – Vyp. 4: materialy 54 ezhegodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov "Universitetskaya nauka – region" (16 aprelya 2009 g.)* [Topical Issues of Modern Genderology. Vol. 4: Proceedings of the 54th Annual Research-and-Methodological Conference of Teachers and Students "University Science – to the Region" (April 16, 2009)]. Moscow – Stavropol: Izd-vo SGU, 2009. Pp. 101–109.
15. Luk'yanov G.A., Roshchin S.Yu., Solntsev S.A., Travkin P.V., Uspenskii N.S. *Monitoring rynka truda top-menedzherov v Rossii (2000–2007 gg.): preprint WP 15/2009/02 seriya WP 15 Nauchnye trudy laboratorii issledovaniya rynka truda* [The Monitoring of the Labor Market of Top Managers in Russia (2000–2007): Preprint WP

- 15/2009/02 series WP 15 Scientific Works of the Laboratory for Labor Market Research]. Moscow: Izd-vo GU VShE, 2009. 73 p.
16. Malysheva M.M. *Sovremenniy patriarkhat. Sotsial'no-ekonomicheskoe esse* [Modern Patriarchate. Socio-economic Essay]. Moscow: Academia, 2001. 352 p.
 17. Modernizatsiya sem'i: ustanovki lyudei-XXI [Modernization of the Family: Attitudes of People in the 21st Century]. *Demoskop-Weekly* [Demoscope Weekly], 2011, no.475-476, August 29 – September 11. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0475/opros01.php> (Accessed September 26, 2012).
 18. North D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the Process of Economic Change]. Translated from English by K. Martynov, N. Edel'man. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vyshei shkoly ekonomiki, 2010. 256 p.
 19. Ozhigova L.N. *Psikhologiya gendernoi identichnosti lichnosti* [Psychology of Gender Identity of a Personality]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2006. 290 p.
 20. Orlyanskii S.A. Transformatsiya sotsial'nykh rolei muzhchin (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya: sravnitel'nyi analiz) [Transformation of Social Roles of Men (on the Materials of Sociological Research: Comparative Analysis)]. *Aktual'nye problemy sovremennoi genderologii. – Vyp. 3: materialy 53 ezhegodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov "Universitetskaya nauka – regionu" (16 aprelya 2008 g.)* [Topical Issues of Modern Genderology. Vol. 3: Proceedings of the 53rd Annual Research-and-Methodological Conference of Teachers and Students "University Science – to the Region" (April 16, 2008)]. Moscow – Stavropol: Izd-vo SGU, 2008. Pp. 32-41.
 21. Pospelova T.G. O metodakh gendernogo analiza sotsiologicheskoi informatsii [About the Methods of Gender-Related Analysis of Sociological Information]. *Aktual'nye problemy sovremennoi genderologii. – Vyp. 4: materialy 54 ezhegodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov "Universitetskaya nauka – region" (16 aprelya 2009 g.)* [Topical Issues of Modern Genderology. Vol. 4: Proceedings of the 54th Annual Research-and-Methodological Conference of Teachers and Students "University Science – to the Region" (April 16, 2009)]. Moscow – Stavropol: Izd-vo SGU, 2009. Pp. 47-49.
 22. Polterovich V.M. *Elementy teorii reform* [Elements of the Theory of Reforms]. Moscow: ZAO "Izdatel'stvo "Ekonomika", 2007. 447 p.
 23. Savinskaya O.B. Tsennost' zanyatosti i predpochteniya v usloviyakh truda materei doshkol'nikov [Value of Employment and the Preferences in Working Conditions of Mothers of Preschool Children]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2011.
 24. Sukharev O.S. *Ekonomika budushchego: teoriya institutsional'nykh izmenenii (novyi evolyutsionnyi podkhod)* [Economy of the Future: the Theory of Institutional Change (New Evolutionary Approach)]. Moscow: Finansy i statistika, 2011. 432 p.
 25. Tambovtsev V.L. *Teorii institutsional'nykh izmenenii: ucheb. Posobie* [The Theories of Institutional Change: Textbook]. Moscow: INFRA–M, 2009. 154 p.
 26. Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST, 1999. 784 p.